

МИХАИЛ ГРЕШНОВ

Научно-фантастический рассказ

«Дорогой Валентин!
Не хотелось тревожить
тебя до окончания
института, но обстоятель-
ства требуют, чтобы, ты
приехал.
Если можешь, поторопись.
Очень жду.
ЕВГРАФ ФЕДОРОВИЧ
БРАЙНИН».

Я знал письмо наизусть. Гляжу, как глаза декана скользят по его строчкам, и думаю: отпустит или нет?.. — А кто этот Брайнин? Что сказать? В прошлом году, когда поступил на физико-математическое отделение, пришла телеграмма: «Поздравляю. Выбор факультета одобрил. Е. Ф. Брайнин». Мать на вопрос ответила. — Прожектор! Отцу голову кружил, теперь о тебе вспомнил. Через семнадцать лет! Ты не слушай его...

— Так кто же он? — повторяет декан. — Брайнин Евграф Федорович... А, ну...

Тяжко поднимается с кресла, подходит к шкафу; пухлые пальцы бегут по корешкам «Ученых записок».

— Е. Ф... — открывает страницу. — «Исследования взаимосвязи пространства-времени и тяготения...» Вашего Брайнина? Де-ерзко. Но, к сожалению... к сожалению... фантастично.

С одышкой опускается в кресло и после минутного раздумья говорит:

— Впрочем... езжайте. Двух недель хватит?

Экспериментальная гелиостанция — очень далеко, и если бы не яростный интерес к Брайнину, я, наверное, проклял бы это путешествие. Пропахший бензином газик, красные крутые барханы: вверх-вниз, вверх-вниз — доводили до отупения. Наконец, как

видение другого мира, перед нами возникла чаша гигантского зеркала, а рядом — белый, сверкающий на солнце домик с завешенными изнутри окнами. Вхожу. В комнате полутьма, не сразу различаю стоящую посреди коляску.

— Подойди, Валентин!.. Все-таки — в Галину, в маму... Ну, здравствуй, дорогой. Поцелуемся?

Басистый голос пресекал какой-то странной хрипотцой, потом зазвучал снова.

— Свиделись... Иди пока устраивайся. Вопросы потом!

Успеваю рассмотреть большое, исхудавшее тело, распростертое на коляске. Правая сторона лба, щека, половина подбородка охвачены синевой, будто под кожей расплылись чернила; синева трогает шею, грудь, вырывается вместе с рукой на белизну простыни...

ВЕРНУЛСЯ я в эту

комнату вечером.

— У нас мало времени. Мало! Открой, — указал Брайнин на обитую черной кожей дверь и, медленно работая рычагом, направил коляску.

— Евграф Федорович, вы знали моего отца?

— Мало сказать — знал. Ах, Федя, Федя!.. Какого человека сожрала война! — и опять хрипотца перехватила горло.

— А «Исследования взаимосвязи...».

— Мои... Не верят? Некогда мне убеждать их, спорить... Смотри!

В центре, будто висящий в воздухе щит, круг сплошь из белых дробинок. Это, — как я узнал впоследствии, концы рениевых стерженьков. За щитом — будто робот с поднятыми руками — отблескивает никелем аппарат, вскинувший к потолку толстые витки кабеля. «К карандашу...» — вспомнил я гигантскую заостренную антенну над крышей. Несколько циферблатов...

— Квантовую механику изучал? — спрашивает Брайнин. — Да, ты же на втором курсе... Но о природе света понятие имеешь?

— Имею...

— Свет от звезды — слушай внимательно, мне трудно говорить, — это уплотненный, скрученный жгут, протянувшийся от светила к нашему глазу. А если расплести жгут на отдельные волокна? Взять, — он сделал жест, словно поймал луч в воздухе, — и рассмотреть? Увидишь лицо звезды! Да что — звезды! Интереснее свет планеты.

Это и делает тельмископ! — Брайнин указал на щит, тускло блестящий точками рениевых стержней. За последний год в эту комнату заглянуло две тысячи планет...

— Две тысячи?..

— Взглянуть на чужие миры, — не обратил он внимания, — мечта всех — от мальчишки до академика. И никто, кроме Федора — твоего отца, — не догадывался, как это просто.

Брайнин смолкает. Я тоже молчу. Отца я совсем не помню, и хочется расспросить о нем поподробнее, узнать, каким он был, как начал работать над тельмископом...

— И то, что есть, — Брайнин кивнул на щит, — мечта Федора. Сейчас в этой руке, — он вскинул костлявую кисть, — целая Вселенная. Ах, Федя, Федя!.. У меня от этого «Федя» стало горячо в горле. Брайнин сделал усилие, будто хотел шевельнуть правой рукой. По лицу пробежала судорога боли. Я вскочил со стула.

— Ничего, сиди... Но если что... — в сейфе, вот ключ, — коричневая папка... Там все...

Он закрыл глаза. Какой беспомощной и могучей была эта рука, пальцы которой нервно подрагивали.

— В эти дни просматриваю Малую Медведицу... Щелчок, лампа погасла, и на месте щита — купол ночного неба; еще миг — и разбежавшиеся звезды составляют в центре знакомый узор Малой

Медведицы. Потом из семи звезд остается одна. Бета — самая крупная в прямоугольнике...

Поворот рычага, и замершая на секунду звезда падает, светлеет, расплывается на весь щит, кружит огненными вихрями взбешенной материи. Откидываюсь назад — ослепило!

— Таковы звезды — сгустки первородного пламени...

Щит гаснет. Я отрываю руку от глаз.

— В нашей галактике — два миллиона планет. Две тысячи, — Брайнин горько усмехнулся, — это десятая доля процента. Заселены — семьдесят, разумной жизнью — шесть. И те на краю галактики: в центре жизнь не выдерживает жара и излучения миллиардов звезд. У этой, кажется, есть планета.

Снова щелчок. Ураганный полет, головокружительное падение... В глаза рушится бездна, нет ни блеска, ни света... Кажется, что в ушах свистит ветер... И вдруг — светлый кружок, мерцание, будто от пятна фосфора на стене.

— Вот она!

Перед моими глазами — даль удивительно светлого прозрачного дня. Пологий берег, усыпанный галькой, зыбь, льнущая к мокрому песку, и на берегу — двое: девушка и старик... Вдали белые здания в изумрудных деревьях, еще дальше — горы, но перед глазами — только эти двое. Говорит девушка, старик задумчиво смотрит под ноги. На нем короткий плащ, оставляющий свободными

руки; плечи закрыты волною седых волос. Девушка затянута в фиолетовую блестящую ткань, плечи и руки обнажены, покрыты загаром.

Она останавливается, чертит на песке строку, другую... Набежавшая волна смывает написанное. Нетерпеливо отступив, пишет снова и, подняв оживленное, порозовевшее лицо, показывает на строки. Старик с минуту глядит, потом, нагнувшись, переписывает по-своему, и — снова идут, прямо на нас.

— Поэма, правда? — спрашивает Брайнин. — Природа, щедрая на разнообразие, скупо дает такое совершенство.

— Люди!.. — только и могу сказать я.

— Да, люди. Разуму соответствует совершенство, в том числе совершенство формы — человек. В условиях, близких к земным, все другие формы мыслящих существ вырождаются, гибнут или истребляют друг друга. Остается только человек. Выше разум — выше совершенство. И — на века, на миллионы лет. Создав человека, природа оттачивает, шлифует его и уже не отходит от единого образца.

— Почему?

— Естественно; брызги воды — всегда капли, звезды и планеты — шары, в радуге — семь цветов... Единство!

Изображение медленно, как бы нехотя, гаснет. Опять щит из блестящих дробин, над столом — удивленные лики циферблатов.

— Твоя удача. Новый мир... — говорит Брайнин.

— Евграф Федорович, неужели мы можем только наблюдать? Ведь это же сотни световых лет, миллиарды километров...

— Войти в общение? Можно. Даже несмотря на миллиарды километров.

— Но как? Ведь скорость света — это предел?

— Не всегда. Представь себе параболу, — он взял из стопки бумаги, лежавшей на пульте, один листок и взмахом карандаша сделал чертеж. — Две точки, максимально удаленные друг от друга, если считать по кривой. Так идет свет. А если так? — он провел прямую через ось ординат и глянул на меня. — Оказывается, можно. Но для этого нужна качественно новая форма энергии и движения. А энергии в нашем обычном смысле нужны колоссальные количества. Предстоит еще многое узнать о природе времени. Но это — тебе. Вот рычаг — управление генератором нуль-времени. Помни, что это, — он положил руку на пластмассовую рукоятку рычага, — не всегда безопасно, — кивнул на свою безжизненную правую сторону, — пока научимся управлять... Клади руку сюда. Смелей!

Упала, раскололась на глыбы Луна, раскрылись огромные трещины. На дне их — синеватый газ, жесткие, как мочалки, лишайники... В красных песках, как звезды, — фиолетовые оазисы Марса. Колыхнулись, прошли над горячей Венерой вихри...

Потом выплыло красное пятно Юпитера. А дальше — зеленые, синие, голубые миры.

Управлять прибором нетрудно. Под руками стеклянный круг — звездная карта, две голубые скрещенные под прямым углом линии; поймать в точке пересечения ту или иную звезду — она появляется на щите. Поворот рукояти — электронные приборы увеличивают звезду, укладывают на щит участок поверхности, и уже в твоей воле — приблизить его или рассматривать в перспективе.

— Идея твоего отца, — бросил Брайнин. — Не будь войны, — сколько бы натворил дел!

Он задумывается, откинувшись на спинку коляски.

— Это еще не главное... Старик с девушкой, океаны планет — в прошлом в тысячах лет от нас. Говорить с мирами, знать, что у них сейчас! Часто услышишь — река времени. Мы должны научиться плавать по этой реке. Но для этого нужны паруса. Или, может быть, только одна сила — энергия гравитона, тяготение.

Два дня Евграф Федорович не вызывал меня. В комнатах дежурила сестра, пожилая неразговорчивая женщина, которая отмахивалась от моих вопросов. Сотрудников на станции немного, каждый занят своим, да и вообще меня считали мальчишкой, приехавшим вроде как на

каникулы. Лишь старик шофер не прочь был поговорить:

— Родственник он тебе или, может, отец?

— Друг отца.

— Дру-уг? Вот уж! Сколько знаю — не слышал, чтобы слово кому сказал! Разве как по работе. Тут — ни себя не щадит, никого. Спроси! Боятся его... — шепотом: — Мне что? Нажал стартер и поехал. А вот с ним кто — боятся: не видели, когда спит... Спроси! К начальству — ни здрасте, ни до свиданья. С чем приехали — с тем уедут. А старик — случай был — ехали ночью, газик полный: ящики, кабель. Не углядел я — трянуло на ухабе. Звякнуло, что-то. «Стой! — говорит, побледнел, — даже ночью заметно было. — Перекладывай!» И разбилось там пустяк: трубка стеклянная. «Как же ты, — говорит, а у самого дрожь в голосе, — смеешь вести так машину? Голова седая, а скачешь, как кавалерист!..» Держит склянки и чуть не плачет: «Матвейч!..» Застыдил, можешь понять?.. Пришлось через неделю опять ехать за трубкой! Я — что? Нажал стартер... А старик правильный — не обижаюсь.

КОГДА вечером на третий день Брайнин вызвал меня, я поразился его состоянию: синева разлилась по всему лицу, на лбу и щеке — черные пятна, дышал тяжело и шумно:

— Подвези... — указал на дверь. Я поставил коляску перед столом.

— Этот белый рычаг, — знакомая хрипотца все чаще

прерывала голос, — генератор нуль-времени. Вот...

Сначала то же ощущение — бездна опрокидывается, летит, давит, потом — молнии, взрыв света — и опять мгновение полной тьмы.

— Световые волны слишком медленны. За квантовым пределом — движение гравитонов. Миллионы световых лет за одну секунду. Еще Ньютон угадал... мгновенное распространение...

На щите возникла фантастическая картина: смутный, под оранжевым небосводом, мир, чернильные тени в неподвижной воде; иногда тени поднимались к поверхности, горбом вздувалась волна...

— Могут быть неожиданности, — предупреждает Брайнин. — В генераторе еще не все исследовано, многое непонятно... Будь осторожен.

Поворот рычага гасит мрачную картину. Я облегченно вздыхаю.

— Мне... плохо, Валентин. Но эта ночь решает самое большое в жизни... В два часа семнадцать минут будет доступна планета... В Драконе. Координаты поставлю сам, — рука торопливо бегаёт над стеклом. — Включишь генератор. Ради бога... осторожней. Меня увезут в палату... Наверно, это конец.

Но я хочу знать — как там у них? Хочется, чтобы победили... Буду ждать... Возьми папку. Раньше срока не включай... Дело это —

тебе... Отец... По лицу — капли пота, дыхание срывается.

— Евграф Федорович!..

Теряя сознание, он слабо кивает на дверь.

В папке — чертежи, листки. Видно, Брайнин тщательно готовил записи — они сжаты до предела — иные страницы сплошь в формулах.

Торопясь, пропуская непонятное, читаю отрывки, фразы:

«Федор погиб в первый месяц блокады. Мне пришлось везти эту весть Галине. Тяжело ей, видно, но от помощи отказалась...»

«Станция уединения...»
«Готовы чертежи. Как трудно доставать рений!»

«Не ладится с увеличением. Надо проверить расчеты. Два года только под линзой... Полторы тысячи стерженьков... Кривизна рассчитана по формуле...»

«Первое увеличение. Планета заселена людьми. Людями!.. Готов плясать от радости! Высокие, стройные — великаны! И — тысяча световых лет...»

«Шевельнулась мысль: нельзя ли этот световой поток использовать как проводник, что ли, мгновенно пробегать от начала до конца?.. Но... триста тысяч километров в секунду — квантовый предел. Можно ли в световом луче двигаться быстрее света?»

«Значит, — быстрее света движения быть не может? Тупик? Диалектика не признает тупиков!»

«Что же за квантовым пределом? Ответ может быть один: качественно новая форма движения. Но ее надо найти».

«Окончательно мысль укрепилась, когда открыл Голубинку — двойник Земли. Голубая, с зеленью, с океанами, снежными горами, даже в абрисе материков что-то схожее! Рабовладельческий строй: полисы в обводах стен, бронзовое оружие, войны, походы, наверное, Свой Цезарь и свой Брут... По развитию отстают на две тысячи лет. Но и свет от планеты идет столько же! И если прогресс по общей линии с нами, они переживают ту же эпоху — становление социализма!..»

«Что же за квантовым пределом?..»

«Свет обладает массой. Если взять излучение Сириуса за минуту и сконцентрировать в массу, можно извять еще одну голову Нефертити. Но дело не в этом. Масса уже связана с тяготением. Не является ли квантовый предел гранью перехода скорости из одного состояния в другое, света — в тяготение?»

«Планк, Эйнштейн, Крукс... Теории последнего десятилетия: гравитационное поле по структуре прерывисто, его частицы — кванты тяготения, или гравитоны. Как всякие частицы материи, они в движении...»

«Тысячу раз прав Д. Д. Иваненко: обычные частицы переходят в кванты тяготения, например, — в момент аннигиляции. Не то

ли самое — при переходе за сверхсветовой рубеж?..»

«Невероятно, потрясающе! Я считал понятие нуль-времени весьма относительным, чуть ли не фантастичным. Но оно существует! Существует!»

«ЧЕТЫРЕ года наблюдал ГОЛУБИНКУ. Что такое четыре года?.. Текут реки, плещут моря. В жизни планеты — миг, в судьбах общества — минута. Города за крепостными стенами, пыль походов, скрип мельничных жерновов... А когда включил генератор нуль-времени — две тысячи лет минули за секунду...»

«Сомнения быть не может — у них гражданская война. У тех, что в серо-зеленых одеждах, — армии, флоты; у других — отчаяние и решимость. Видел их лица... глаза... Умирала и шла вперед».

«Странно! Они замечали меня, поднимали лица, показывали руками. Что видели? Лабораторию, пульта?..»

«Серо-зеленые сейчас сильнее, У них есть синие молнии — электрическое или атомное оружие. На пути их отрядов пепел и трупы... У них есть чудовищное устройство — наподобие катапульты, — тщательно замаскированное в горах. Шары, бросаемые им, растекаются красным туманом, отравляющим все».

«Надо уничтожить эту гадину. Сфотографировал катапульту, увеличил снимок, сколько мог, и показал тем — отчаянным и непреклонным».

«Через два дня (эти и последующие строки

написаны другим почерком, видимо, под диктовку) сел за генератор и посмотрел на горы — на месте катапульты — громадная воронка с рваными краями. Поток из щита вырвалась синяя искра, обожгла лицо. Это было восемнадцатого августа, планета уходила за диск звезды. Появится только через тридцать два дня...»

А сегодня — девятнадцатое сентября, впрочем, уже кончилось — второй час двадцатого. В госпитальной палате умирал Брайнин, человек, открывший дверь во Вселенную. Он пришел на помощь людям дальней планеты. Имел ли он право? Не берусь судить. Он ждет. Не хочет умирать, не узнав до конца. А как бы поступил я?.. Может, и мне предстоит сыграть роль в этой драме?

Два часа.

Два десять. Кладу руку на белый рычаг. В груди холод. Мне страшно. Но я должен выполнить последнюю волю Брайнина. Рычаг подается. Ну, — до конца!

Падение бездны, молнии, взрыв и — взрыв ликования! Сколько лиц, сколько тянется рук! Кажется, что слышу восторженные крики! Победа! Люди всюду. А вот горный массив. И здесь люди. Но почему у них на лицах отчаяние?

Зачем они машут руками?
Кричат?..

— Валентин Федорович! —
это за дверью. — Валентин
Федорович! Скорее!..

Вскакивая со стула,
распахиваю дверь.

— Вас...

Бомбой вылетаю из
домика. Спотыкаюсь на
ступеньках. Белая комната...

Навстречу — только
глаза: спрашивают, зовут
— «Что?»...

— Победа! — кричу я. —
Победа!

Они победили!

Хватаю худую руку.
Жизнь — только в глазах.
Понял, медленно опустил
веки.

— Победили! — говорю я,
наклоняясь к лицу. Но
Евграф Федорович уже не
слышит.

И вдруг все озаряется
синей молнией. Из рук
лаборантки падает колба.

Я не выключил аппарат!..
Они предупреждали!

В тусклом свете
карманного фонаря —
оплавленный, поникший на
проводах щит,
потускневшие, мертвые в
близине лица циферблатов.

НО у меня сохранились
чертежи, формулы Евграфа
Федоровича, его великая
правова. А впереди —
встречи с целой планетой
друзей! Мы придем! Мы
придем к тебе, Голубинка!